

Алла Дементьева

**Невольник. Жизнь на
исходе**

Маленькая поэма

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
А50

А50 **Алла Дементьева**
Невольник. Жизнь на исходе: Маленькая поэма / Алла Дементьева – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2026. – 36 с.

ISBN 978-5-907720-96-1

Алла Дементьева — автор с биографией, напоминающей не столько послужной список поэта, сколько реестр боевых наград и культуртрегерских свершений, написала вещь неровную, местами шероховатую — и именно этим, как ни парадоксально, совершенно живую.

Маленькая поэма «Невольник. Жизнь на исходе» (обратим внимание на заглавие — оно амбивалентно, как хорошая поэтическая формула: то ли «жизнь на исходе» констатирует финал, то ли указывает на точку отсчёта, с которой всё, собственно, и начинается) — это текст о том, что происходит с человеком, когда внешние подпорки рушатся, а внутренний диалог становится единственной доступной формой существования.

Фабула проста: лирический герой (назовём его условно «невольником», хотя автор упорно расщепляет его на «я» и курсивное «Я», что само по себе заслуживает отдельного филологического комментария) оказывается в палате. Диагноз не назван — и слава богу. Дементьева избегает дешёвой конкретики медицинского сериала, оставляя нам лишь симптомы состояния: «синяки от коматоза», «бело-синие халаты», сосед-подросток в наркотическом бреде. Это пространство — метафизический карцер, в котором герой обречён на встречу с самим собой.

И вот тут начинается самое интересное. Герой, по собственному признанию, «был грешный, был миру чужой» — формула, в которой слышится и лермонтовский демонизм, и блоковская неприкаянность, и отголоски русского рока конца восьмидесятых. Но Дементьева ловко уходит от любой стилизации. Её герой не позирует. Он действительно напуган, действительно растерян, действительно пытается нащупать опору — и не находит её ни в прошлом, ни в настоящем.

Композиционно поэма построена как череда споров с внутренним голосом. Этот приём стар, как сама литература, но работает безотказно, если автору хватает слуха и такта. У Дементьевой хватает. Её курсивное «Я» — не резонёр, не ментор, а скорее уставший, но не потерявший надежды собеседник, этаким Вергилий при местном, палатном Данте.

Диалог движется от бунта к смирению и попытке творческого осмысления. И здесь происходит важнейший для понимания поэмы поворот: герой начинает рисовать. Не красками, не карандашом, а воображением. Он создаёт галерею образов: мать у запylённого окна, ждущая погибшего сына; безрукий мальчик, играющий в футбол; человек с диагнозом «рак», умеющий радоваться погоде. Это не иллюстрации к социальной рекламе, как мог бы съязвить иной критик. Это иконы стойкости. Герой собирает их, как собирают осколки разбитого зеркала, пытаясь в чужих отражениях разглядеть собственное, пока ещё утраченное лицо.

ISBN 978-5-907720-96-1

© Lennex Corp, 2026
© Алла Дементьева, 2026

Алла Дементьева

18+

НЕВОЛЬНИК ЖИЗНЬ НА ИСХОДЕ

Маленькая поэма

Санкт-Петербург, 2025

УДК 82-1

ББК 84(2=411.2)6-5

Н28

Дементьева, Алла Викторовна.

Н28 Невольник. Жизнь на исходе: маленькая поэма /
А. В. Дементьева; худож. А. А. Дьяченко. — Санкт-Петербург:
Издательский и книготорговый холдинг
«СЛАВЯНСКОЕ ГОСУДАРСТВО», 2025. — 28 с.
ISBN 978-5-907720-96-1

© Дементьева А. В., текст, 2025

© Дьяченко А. А., иллюстрации, 2025

© Издательский и книготорговый холдинг
«СЛАВЯНСКОЕ ГОСУДАРСТВО»,
издание, 2025

Вступительное слово

Алла Дементьева — автор с биографией, напоминающей не столько послужной список поэта, сколько реестр боевых наград и культуртрегерских свершений, написала вещь неровную, местами шероховатую — и именно этим, как ни парадоксально, совершенно живую.

Маленькая поэма «Невольник. Жизнь на исходе» (обратим внимание на заглавие — оно амбивалентно, как хорошая поэтическая формула: то ли «жизнь на исходе» констатирует финал, то ли указывает на точку отсчёта, с которой всё, собственно, и начинается) — это текст о том, что происходит с человеком, когда внешние подпорки рушатся, а внутренний диалог становится единственной доступной формой существования.

Фабула проста: лирический герой (назовём его условно «невольником»), хотя автор упорно расщепляет его на «я» и курсивное «Я», что само по себе заслуживает отдельного филологического комментария) оказывается в палате. Диагноз не назван — и слава богу. Дементьева избегает дешёвой конкретики медицинского сериала, оставляя нам лишь симптомы состояния: «синяки от коматоза», «бело-синие халаты», сосед-подросток в наркотическом бреде. Это пространство — метафизический карцер, в котором герой обречён на встречу с самим собой.

И вот тут начинается самое интересное. Герой, по собственному признанию, «был грешный, был миру чужой» — формула, в которой слышится и лермонтовский демонизм, и блоковская неприкаянность, и отголоски русского рока конца восьмидесятых. Но Дементьева ловко уходит от любой стилизации. Её герой не позирует. Он действительно напуган, действительно растерян, действительно пытается нащупать опору — и не находит её ни в прошлом, ни в настоящем.

Композиционно поэма построена как череда споров с внутренним голосом. Этот приём стар, как сама литература, но работает безотказно, если автору хватает слуха и такта. У Дементьевой хватает. Её курсивное «Я» — не резонёр, не ментор, а скорее уставший, но не потерявший надежды собеседник, этаким Вергилий при местном, палатном Данте.

Диалог движется от бунта к смирению и попытке творческого осмысления. И здесь происходит важнейший для понимания поэмы поворот: герой начинает рисовать. Не красками, не карандашом, а воображением. Он создаёт галерею образов: мать у запялённого окна, ждущая погибшего сына; безрукий мальчик, играющий в футбол; человек с диагнозом «рак», умеющий радоваться погоде. Это не иллюстрации к социальной рекламе, как мог бы съязвить иной критик. Это иконы стойкости. Герой собирает их, как собирают осколки разбитого зеркала, пытаясь в чужих отражениях разглядеть собственное, пока ещё утраченное лицо.

Стих Дементьевой не претендует на формальное новаторство, и в этом его достоинство. Она работает в привычной тонике, иногда сбиваясь на почти разговорную интонацию, иногда взлетая до афористической чеканности. Рифмы типа «врачи — молчи» или «дорогу — свободу» могут показаться наивными, но позволим себе напомнить: поэзия не всегда обязана быть филологическим ребусом. Иногда она должна быть просто слышной — и здесь этот расчёт оправдывается.

Более того, в тексте встречаются строки, которые хочется выписать отдельно и повесить над письменным столом — не в качестве украшения, а в качестве напоминания. «Ты никто без труда и усердства» — банальность? Да. Но банальность, произнесённая вовремя и с нужной интонацией, перестаёт быть трюизмом и становится откровением. «Лишь поняв, что с тобою и как, / И приняв трезво всю ситуацию, / Разберёшь ты в душе кавардак» — это уже не поэзия в привычном смысле, это почти терапевтический заговор, и он работает.

Не могу не сказать несколько слов о том, что обычно остаётся за скобками, но в случае с Аллой Дементьевой принципиально важно. Перед нами автор, чья биография — самостоятельное литературное высказывание. Создатель и руководитель издательских проектов, лауреат множества премий (включая медаль-премию имени Антуана де Сент-Экзюпери — согласитесь, в контексте поэмы о «невольнике» это звучит почти как сюжетный рифмующийся жест), педагог, общественный деятель, Почётный гражданин России. Казалось бы, при чём тут исповедь о палате, коматозе и внутреннем «кавардаке»?

Дело в том, что Дементьева имеет полное моральное право на эту исповедь именно потому, что она не сводится к своей биографии успеха. Она не боится предъявить читателю ту часть себя, которая не украшена орденами и медалями.

«Невольник» — это текст о том, что награды и регалии не спасают от главного экзистенциального ужаса, от встречи с собственной уязвимостью. И именно в этой точке автор, достигший, казалось бы, всего, становится равен любому своему читателю — растерянному, ищущему, надеющемуся.

«Невольник. Жизнь на исходе» — не развлечение. Это текст-зеркало, текст-собеседник. Он потребует от вас тишины, внимания и, возможно, мужества — того самого, с которым герой поэмы пытается не умереть, «пролежав на задрипанных койках», и заново научиться жить.

Если вы дадите этой книге шанс, если позволите её интонации проникнуть в вас, если расслышите за шероховатостями рифм подлинную боль и подлинную же надежду, — вы получите опыт, ради которого, собственно, и существует литература. Опыт встречи с Другим, который оказывается вдруг понятным и близким. Опыт сострадания, не унижающего жалостью, а возвышающего пониманием.

Алла Дементьева написала поэму о том, что даже «на исходе» жизнь не заканчивается — она пересобирается заново: из осколков памяти, из чужих лиц за пыльным стеклом, из неловких, но искренних молитв.

Алексей Сергеевич Шаранин — член Союза писателей России, поэт, российский актер театра и кино, член Союза кинематографистов России, член Гильдии актёров кино России, телеведущий Первого канала («Доброе утро», «Полезные советы»), артист эстрады, ведущий мероприятий.

I

Я был грешный, был миру чужой —
Проводник с сумасшедшею рожей,
Для кого-то сподвижник святой,
Для других же — случайный прохожий.

Я был странником, жалким письмом
Адресата, познавшим неволю.
Всё пытался добиться добром —
Оказался в палате... Болен.

Предо мною мелькают врачи
В бело-синих размытых халатах.

«Я» во мне:

— *Что случилось?*

— Молчи!

Мы «прозрачны». На препаратах...

— *Как же так? Нас оставил Бог?*

— «Я», прости... слишком был авантюрен,

Без башки и душой одинок,

Изменить жизнь пытался. Дурень.

Нахимичил в стенах четырёх,
Напридумывал «вид совершенства».
Лишь сейчас осознал, в чём подвох:
Ты никто без труда и усердства.

Чтоб сваять силуэт красоты,
Быть заумным необязательно.
Чтоб заполнить внутри пустоту...
— *Экстрасенсом быть?*
— Нет, обладателем!

Покорить души странных людей,
Влезть под кожу и в кровь по венам,
Чтоб собрать сотню разных идей
И направить дела к переменам.

— *Мне так жаль, что не сбыться мечте...*
— Я ещё поборюсь за свободу!
Пусть прижали к последней черте,
Мы отыщем отсюда дорогу...

II

— Притворюсь обезумевшим львом,
Прогрызу глотки этим злодеям.
— *Ты же всё добивался добром?*
Приведёт ли горячка к цели?

— Успокоюсь... Опять кипячусь,
Злом кидаюсь на первых встречах.
От поступков дурных откажусь
И от замыслов всяких беспечных.

Соберу силы в сжатый кулак,
Нарисую картину у моря,
Как со страшным диагнозом «рак»,
Человек отгоняет горе.

Как он радуется мелочам —
И плохой, и хорошей погоде,
Дням ушедшим, пришедшим слезам —
И не верит, что жизнь на исходе.

Нарисую заброшенный дом,
Запылившиеся подоконники.
Чья-то мать за немывтым стеклом
Дождается сына-покойника.

День за год, для неё время вспять.
Седовласая, руки в морщинах.
«Напоследок живого обнять...» —
Смерть приходит по разным причинам.

Нарисую улыбку дитя,
Что без рук, но смышлёным родился.
Он играет в футбол, как и я,
И мечтает, как все, влюбиться.

Сквозь барьер научился всему,
Не считая себя ущербным.
«Я один раз на свете живу!
Мне Господь даровал мир волшебный».